

ОДАРЕННАЯ ДЕВУЧКА

И ЯРКОЕ
БЕЗОБРАЗИЕ

МАЛЬВИНА
ГАЙВОРОНСКАЯ

Одаренная девочка

Мальвина Гайворонская

**Одаренная девочка
и яркое безобразие**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Гайворонская М.

Одаренная девочка и яркое безобразие / М. Гайворонская —
«Издательство АСТ», 2026 — (Одаренная девочка)

ISBN 978-5-17-179328-9

Продолжаются каникулы, а вместе с ними и злоключения Пандоры. Невинное желание не портить чужой день рождения загадочным образом вылилось в изучение оборотничества, а вместо наслаждения тихими летними деньками пришлось прятать друзей от ревнивого поклонника. Параллельно сводный братец в попытке познать самого себя решил навеститься к минотавру, и, словно этого мало, еще и конфликт между вампирскими прайдами зреет! Может быть, хоть здесь взрослые сами разберутся? Ну чем Богдан Иванович не «одаренная девочка»?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-17-179328-9

© Гайворонская М., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Глава 1. Не про лог, а про лес, женщин и черт знает что еще	8
Глава 2. Мальчишки и девчонки, а также их родители	19
Глава 3. На сладкое	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мальвина Гайворонская

Одаренная девочка и яркое безобразие

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателей.

В книге встречаются сцены курения.

Курение вредит вашему здоровью.

© Мальвина Гайворонская, 2026

© Кутовая Дарья (DAFNA), иллюстрации на форзац, 2026

© sanarino14, внутренние иллюстрации и обложка, 2026

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

*Посвящается Афанасию, коту, который объяснил мне, зачем я
взрослела*

Глава 1. Не про лог, а про лес, женщин и черт знает что еще

– Чече, почему он тебя не видит?

Спутник пожал плечами и сделал несколько неопределенных пассов.

– Вот только не надо включать взрослого! Мне уже восемь, и я прекрасно знаю: тот факт, что тут темно, а у него нет глаз, вообще Лесу не мешает. Так почему?

Мужчина в черной косухе и глухом мотоциклетном шлеме беззвучно вздохнул и развел руками.

– Сам не знаешь, но всюю пользуешься? Ладно, в это я поверю. А вот выделяться мог бы и поменьше.

Из записей во время тренировочных прогулок в Лес

Вы соскучились? Я – очень. Но прошел положенный срок, текст вычитан, умыт, причесан, аккуратно отпечатан на листе – и мы снова встретились, мой голос вновь звучит в вашей голове. Даже интересно, после разлуки присматривается ли пыливый читатель к книге в своих руках с подозрением? Эпиграфы на месте, но как он отреагирует на отсутствие пролога и панибратский тон? Улыбнется? Закатит глаза? Возрадуется, мол, теперь-то перестанет укачивать от быстрых прыжков по безымянным персонажам? Полагаю, восприятие во многом зависит от конкретной личности, но не отметить главного не могу: перед вами новая история, жаждущая быть услышанной, и голос ее может звучать иначе, чем у предшественниц. К примеру, она категорически отказалась от пролога с эпилогом, хмуря бровки, мол, ни одного лога в тексте упомянуто не будет. Да, возможно, сударыня не столь умна, как хотела бы о себе думать, но давайте великодушно позволим истории течь свободно: и без того я ее перебила.

Правда, в одном сознаюсь сразу: без прыжков по персонажам опять не обошлось. Но жалобы были учтены, и в этот раз у каждого героя упомянуто имя, правда-правда! Не сказать, конечно, что это сильно помогло...

Лес был всегда – и ему это нравилось.

Жизнь зарождалась, ползала, видоизменялась, проигрывала, опять поднимала голову – но неизменно под его кронами. Сильные приходили на смену сильным, слабые потихоньку замещали слабых, а Лес оставлял за собой право вмешаться как мудрый родитель, порой же – как всевластный тиран. Глупыши жались к его корням, ведь попытка бросить ему вызов недалеко бы ушла от бунта аминокислот против первичного бульона: забавно в теории, но абсолютно нереализуемо на практике. Лес утопал в собственном могуществе. И, как и многие иные сущности подобного толка, в конце концов о собственное могущество и запнулся.

Пребывавший под его властью мир купался в магии по самую маковку, ибо как привычные нам деревья вырабатывают на свету кислород, так и Лес во мраке листы порождал первичную материю чар, наделяя все живущее под его сенью невероятной силой. Но несмотря на даруемые им блага, стоило появиться первой прогалинке, первому шансу уйти прочь, в чужой мир, – и начался исход. Счастливики, многие века выживавшие вопреки воле Леса, устремились туда, где он не мог их достать, смиренно слабея поколение за поколением, лишь бы подальше от жутконосных ветвей. Вот тогда-то и оказалось, что просто быть Лесу уже недостаточно. Хотелось быть всем. Для каждого.

И он возжелал беглецов вернуть.

Мрак ночи, испокон веков нежно лелеявший его побеги, сослужил здесь злую службу: любое проявление света хоть на каплю сильнее, чем от местных звезд и Луны, мгновенно выжигало Лес, убивая его магию, и ни регенерация, ни отсутствие нервной системы не помогали: да, он не чувствовал боли, сгорая, но все равно обращался в пыль быстрее, чем успевал ступить хоть два шага в новом мире. Свет страхожоров и прочей флоры и фауны, научившихся скалится на Лес люминесцентное подобие зубов, конечно, тоже был неприятен, но солнце... Солнце второго мира Лес уничтожало, а беглецы, довольные и наглые, и в ус не дули. Лес смотрел на них из-за границы и размышлял. На той враждебной, яркой стороне имелось что-то похожее на него: пусть и совершенно бесполезное, слабое, зато научившееся поглощать свет и, самое главное, как и Лес, привыкшее приспосабливаться.

Пожалуй, представляя саженцы, вы вряд ли подумаете о словосочетании «захватить в плен», но именно это Лес и провернул: чередой манипуляций и тактических хитростей раздобыл несколько молодых дубков из нашего мира и принялся переделывать их на свой манер. Окрестить результат даже сомнительным успехом не получалось: нет, на этапе выработки магии из света вместо мрака все шло замечательно, если не сказать бодрячком, но малейшая попытка перехватить управление сознанием, сделать подопытный росток частью единого Леса гасила в саженцах жизнь и обращала их в прозаически мертвую деревяшку. Малахольные жители второго мира оказались до безумия своевольны, и это пахло... конкуренцией? Совершенно отвратительное явление.

В конце концов Лес решился рискнуть, позволил одному-единственному иномирному побегу сохранить сознание, наделив того своей способностью вырабатывать магию в полной мере, при этом четко зная: его отпрыски останутся уязвимы для контроля. Логика была железобетонной, хоть одного материала в Лесу отродясь не водилось: отправить измененный росток обратно, домой, дожидаться, покуда тот наплодится, как принято у глупышей, а после достаточно подмять под себя хоть одного потомка, дабы по цепочке взять контроль над каждым, подавить разумы купающихся в солнце, а затем, уже их силой, подчинить себе и самого первого. Так Лес стал бы един на оба мира.

Но читавшие первые две книги давно уже смекнули: кажется, у хищного растительного сверхразума что-то пошло не так.

Нет, наделенный магической силой Леса дубок не только выжил в нашем мире, но и вполне бодро пошуровал по оному на своих двоих, которые, как и всякое магическое создание, быстренько научился отращивать. Да вот беда: сколько б ни плодился, сколько б ни наделял мощью и магией иные растения, стоило Лесу такого к себе умыкнуть и сознания лишить – и тот в пыль обращался, словно саженец бестолковый. Не хватало чего-то глубинного, важного, частицы изначальной сути, носимой нахальным дубом. Нужен был не просто потомок, но тот, кому росток напрямую передаст часть своих сил. Лес ждал, затаившись, а его детище щеголяло себе и жило припеваючи. Было оно рыжо, смешливо и себе на уме, местные величали его дядькой Витькой.

Ну или, если желаете, Витольдом.

Подглядывать в прошлое – дело неблагодарное: можно ненароком раздавить не ту бабочку и в результате переучивать потом грамматику, поэтому постараемся вас от этого обезопасить. Как бы ни хотелось вмешаться и переписать историю, сегодня мы с вами только смотрим. Смотрим и терпим.

Молодая испуганная женщина бежит по извилистым коридорам дорогого петроградского отеля, а за ней неспешно идет зло. Зло округло и непрезентабельно, низкоросло и плешиво. Она стучит в двери, зовет на помощь, но еще час назад кишевшее жизнью здание словно обезлюдело. В дамской сумочке малоформатная фотокамера Ur-Leica, несколько исписанных беглым почерком листов и приглашение на ужин от крупного промышленника, о котором

сам промышленник даже не подозревал. Журналистка, в неистовом желании доказать коллегам-мужчинам свою компетентность стремившаяся докопаться до любой, даже самой безумной правды – и оказавшаяся не готовой столкнуться с ее безумием лицом к лицу.

Она пытается скрыться на лестнице, но в испуге отшатывается – оттуда выходит еще одно зло, гораздо более задумчивое, но при этом массивное и высокое. В руке шприц. Женщина пытается бежать, но ее ловят, зажимают рот ладонью и, покуда она вырывается и истерично мычит, медленно впрыскивают в вену странную темную субстанцию.

Плешивое зло устало качает головой:

– Не волнуйтесь, Клара, вас предал не Богдан Иванович. Честно говоря, он и вовсе не подозревал об исследуемой вами теме – вне этой информации ему и полагается остаться. А вам... Что я могу сказать, добро пожаловать на борт.

Исполин, в чьих руках женщина постепенно затихала, отстраненно уточнил:

– Не проще убить? Зачем обращаться, да еще и составом, а не через укус?

– Не хочу лишних глаз, – отбрило низенькое зло и улыбнулось. – А насчет первого вопроса... Не сочти за грубость, Марат, но стратегического мышления ты начисто лишен. Девица собиралась помешать нашим планам и заставила меня за собой побегать, смерть за такое – слишком просто и буднично. Нет, она станет частью системы. Поможет тому, с кем пыталась бороться.

– Но она же, простите... тощая?

Зло улыбнулось довольнее.

– В качестве растопки – да, экземплярчик сомнительный. Но мысли шире! Дамочка доставуча словно целая рота ее коллег-писак, а потому, надеюсь, при должном воспитании сможет нас всех в дальнейшем от подобного рода проблем избавить.

Его компаньон смотрел не мигая, и плешивое зло добавило:

– Клара получит собственную песочницу, подходящую женщине работу и возможность круглосуточно портить аппетит моему дорогому преемнику, ограждая его от неуместных попыток сблизиться с противоположным полом, – и еще будет меня за это благодарить, вот увидишь.

Он достал из сумочки фотокамеру, со вкусом и нечеловеческой силой смял ее в порошок и подытожил, глядя, как сознание покидает глаза женщины:

– А она, случаем, не немка?

– Отчасти, Иван Карлович. Американка немецкого происхождения, – пояснил второй мужчина, вставая и перекидывая тело через плечо.

– Знаешь, Марат, иногда мне кажется, будто немцы меня как-то избирательно ненавидят, – закивало низенькое зло, жестом гоня напарника прочь. Впереди ждали приятная сердцу вечность и триумфальное возвращение на родину, и омрачать их больше положенного совсем не хотелось.

И, как пытливый читатель уже наверняка догадался, именно это он только что и сделал.

Глядя на проплывающую перед глазами ретроспективу, сложно не задаться вопросом, мол, это все, конечно, интересно, но не пора ли хоть что-то ближе к текущему положению дел показать, а то пролог прологом получается? Понимаем, ни в коем случае не спорим и предлагаем вашему вниманию вполне себе наш мир, наше время, и более того – еще и успевший примелькаться пансионат у черта на куличках, в столовой которого царило приятное оживление, именуемое в расписании полдником. Однако среди недовольных густотой киселя старичков значился явный некомплект: к радости персонала, не хватало самого прищуристого и доставучего, Радаманта.

Вышеупомянутый богатырь в отставке тем временем сидел в своей комнате и внимательно изучал выставленные стройными рядами гостинцы, называемые промеж местных не иначе как данью. Оленина, лосятина и всякие перепела уже не просто примелькались, но и даже

несколько приелись, а вот на последний выложенный из объемной спортивной сумки сверток старик смотрел с чистосердечным недоумением.

– Не ослышался? Копченый крокодил?

– Агась, – закивал посетитель.

– И за шо вы его так? – нахмурился Радамант.

Гость заерзал.

– Да в целом-то особо не за что. Фермы сейчас есть специальные, вот мы и подумали, мол, вам в прошлый раз страусятинка интересной показалась, можно и крокодильчика предложить...

– В мое время, – насупился старик, – крокодилы частью детских сказок были, а не блюдом на столе. Как прикажешь условного Гену есть, когда он так залихватски на гармошке играл? – Но, заметив, что гость потянулся убрать рулет, поспешно замахал руками: – Не-не, оставь, коль уж притащил, всяко лучше зайчатины избитой. Только давай на берегу сговоримся, шо никаких котов Леопольдов, даже если ферму подходящую заведут, ага?

– Ага, – закивал посетитель. – И в мыслях не было, Радамант Всеславович!

– То-то же. А по икорке нынче как?

– Все как любите: свежая, этого сезона, в баночках, – снова засуетился детина, выставляя на стол из бездонной сумки стеклянные пятилитровки с крупными красными и мелкими черными зернышками внутри. Пожилой богатырь взял одну, посмотрел на просвет, постучал костяшками пальцев и удовлетворенно причмокнул.

– Хороша икорка. Да уж, свезло мне дожить до седин, когда уважают нашего брата, любят. Я ж тебе, кажись, про детство свое голодное рассказывал?

– Да-да, неоднократно, – оживился гость. – Как сейчас помню: времена стояли трудные, хлеба не было, приходилось икру прям на колбасу мазать.

Радамант замер и с прищуром на посетителя уставился.

– Я, по-моему, как-то иначе говорил. Перевираешь, небось?

– Наверное, неточно запомнил, – поспешно закивал тот, надеясь лишний раз не волновать собеседника. – Настрадались вы за жизнь, Радамант Всеславович, на старости лет можно и отдохнуть, так сказать, побаловать себя вкуснятинкой домашней по семейным рецептам.

Богатырь снова насторожился:

– Че, хочешь сказать, даже крокодил у вас «по семейным рецептам»?

– Конечно! – горячо подтвердил гость. – Папулечка ж у меня капитан дальнего плавания, а мамулечка, прежде чем остепениться и со мной в Москве осесть, с ним вместе путешествовала. Чего только, говорит, не едали.

– И кого?

– В основном все-таки «чего», – на всякий случай решился настаивать посетитель. – Мы ж из интеллигенции.

– Ну да, конечно, – хмыкнул в ответ пенсионер, вскрыв один из свертков и принявшись посасывать балык из косули. – Одного в толк не возьму: какого лешего тебя раньше срока к нам занесло? Обычно ж ближе к концу августа выбирался, а тут гляди, в июле. По делу, небось?

– Как есть по делу, – кивнул в мгновение ока посерьезневший гость. – Мамулечка часто рассказывала, мол, это вы меня с того света привели...

– Было дело, – моментально перебил пожилой богатырь. – Воспоминания не из приятных, так шо давай не ворошить, а то весь аппетит перебьешь.

Правда, уминать косулю при этом он не перестал.

– Сожалею, Радамант Всеславович, но вспомнить надо. Ситуация... ну, снова такая же.

– В смысле? – опешил старик. – Ты ж мужик, неужто на сносях?!

– Не-не-не, конечно, нет! – замахал руками гость. – Не я, жена моя.

– Подожди, – нахмурился пенсионер. – Я, конечно, с возрастом, может, чего и упускать начал, но Максимилиана ж клялась и божилась, мол, раз у нее сын, а не дочь, то обойдемся без продолжения банкета. Другим минотаврихам взяться неоткуда, акция с родами одноразовая.

– Так мы, собственно говоря, и думали, – понуро отозвался амбал напротив. – Но природа свое взяла.

– В плане?

– Женушка-то у меня вилочка, а потому, сами понимаете, ждали, что свой же род и продолжит. Мол, будет деточка с копытцами, в нее. А получилась...

Гость замялся, и старик переспросил:

– А получилась?

– Ну, тоже с копытцами, конечно. Но в меня, – понуро сознался посетитель.

Пожилый богатырь почесал затылок.

– Ниче се у вас приключения. Уверен?

– Еще как. Во-первых, сроки – шестой год идет.

– Ну, мож, оно так само по себе? – с надеждой уточнил Радамант. – Не обязательно ждать на выходе именно...

– А во-вторых, – продолжил гость с самым отчаянным видом, – Принцесса лично Розалину осматривала и живот щупала. Так что без вариантов.

– Кирпич силикатный мне в лобовуху... – присвистнул старик, и вправду отложив косулю куда подальше и разве что не подопнув для верности.

Собеседник продолжал:

– Поэтому вы очень-очень нам нужны. Мне вы уже однажды помогли, и мы с мамулечкой просим вас и на этот раз не остаться в стороне.

Пенсионер вздохнул, крикнул и вздохнул снова. Но дабы понять всю глубину возникшей проблемы, попробуем обратиться к ее истокам – мифу про минотавра. Как вы помните, в нем фигурировали лабиринт, в котором жило убивавшее людей чудище, и храбрый воин, сумевший оное забороть и вернуться обратно при помощи нити, выданной прекрасной принцессой. На памяти Радаманта это была самая большая брехня про роды из всех слышанных в его жизни.

Минотавры, конечно, в реальности существовали, но, как бы этак выразиться... В ограниченном количестве. Со всеми остальными сказами они пришли в наш мир из Леса, но то ли эволюция, то ли кривая повела их род по уникальной дорожке. Если Старшая кровь оборотней постепенно вырождалась в Младшую, послабже и попроще, то свои силы минотавры поколение за поколением сохраняли, стабильно демонстрируя повышенную резистентность к магии и физическую мощь. И да, в этом были по самое горлышко замешаны герои, прекрасные девицы и лабиринт, но исключительно образно выражаясь. А вот многочисленные опасности и смерти – куда ж без них? – шли вполне реальным довеском.

Покуда тела минотавров вызревали привычным нам способом, в утробе, души их обитали отдельно, в некоем лимбе, откуда уходили на время, вселяясь в детей своего вида, и куда возвращались после смерти – да-да, тот самый лабиринт. Конечно, пребывая на земле, прошлого своего минотавры не помнили, однако с каждой смертью становились мудрее и оттого приобретали полное нежелание снова повторять ту же волюнку. Поэтому в их среде распространилось несколько непривычное для прочих сказов родовспоможение: покуда лекари хлопотали над будущей матерью, отец со товарищи пытались в лабиринт проникнуть и душу ребенка в наш мир не мытьем, так катаньем притащить. Не будет души – мертвым родится. Ага, героя мы тоже теперь разгадали. А что с принцессой и нитью?

Абы как в лимб-лабиринт не попасть и с бухты-барахты оттуда не вернуться, потому с древнейших времен подобное проворачивали только под бдительным оком Спящих Красавиц и Красавцев. Оттого и мучился сейчас сомнениями Радамант, которого в свое время буквально приперла к стенке минотавриха в положении: официально-то Спящих много лет назад как

истребили. Один раз получилось чуть ли не чудом, точно ли старый вояка снова сможет до своей Звезды дозваться и, по сути, с того света в их мир монстра притащить?

– Послухай, Максимка, ты мне почти как сын... ну, в основном, конечно, из-за того, шо вечно с Кирюхой терся, но не суть. В общем, не чужой, и помочь я б и рад, да не смогу. Сам посуди, я ж когда геройствовать полез? Лет сорок назад, ну, мож, чуть больше? И то уж на ладан дышал. Если б не Звездочка верная, ты б меня на фарш и пустил, даром что самый скромный и с уголка сидел...

– Нам любой пойдет, Радамант Всеславович.

– Вам-то любой, да к вам-то не каждый, – покачал головой богатырь. – Душу дитяти с того света звать сил надо иметь в разы поболее, чем у меня, и Спящая нужна сильная, в самом соку, а не Непроснувшаяся. Тогда, считай, свезло нам, а нынче время мое ушло дальше некуда, я по ту сторону уже не хожу.

– Понимаю, Радамант Всеславович, – кивнул гость, поспешно отворачиваясь.

Богатырь вздохнул:

– Распустил нюни, но рано. Не все так плохо.

– Так ведь деточку если не позвать – не придет, – шмыгнуло ему в ответ. – Мы столько лет ждали, надеялись... Свыклись уже как-то. Я ему пинеток навязал... Ну или ей, кто ж разберет, кого с той стороны притащат...

– Это я понимаю! Потому и говорю – рано писать пропало. Те для лабиринта кто нужен? Герой и принцесса, шо его туда заведет и оттуда выведет, так?

– Ага. То есть вы, с напарницей, – закивал Максим.

– Я в утиль списан, повторяю, – махнул рукой богатырь, прищурившись. – А вот Кирюшкин приемыш жив-здоров, бодр, весел и достаточно туповат, чтоб на ваши с маменькой зазывания согласиться.

– Но Спящая...

– А ему Морковка свою уступила, – подмигнул пенсионер. – Полный комплект минотаврей повитухи – получите, распишитесь. Только-то и надо – к нему наведаться, все чин-чинарем обставить, и вуаля, будет тебе сына. Или доча. Ну или как вы там их величаете, теленок?

– Агась, – кивнул гость. – Телятами зовем.

– В общем, Димку ищи, – подытожил Радамант, снова задумчиво вертя в руках мяско. – Как его уломать, не знаю, борзоват вырос, наша порода, сам понимаешь. Но коли сговоритесь – считай, дело в шляпе. Этот дурень тебе хоть теленка с того света, хоть луну с неба притащит, главное – стимул найти.

– Стимул? – нахмурился бугай.

– Ага. Проще говоря, палку потяжелее, – хмыкнул старик. – В общем, не бойсь, Максимка, не куковать тебе последним минотавром. Я б, честно говоря, на твоём месте другого опасался.

– Чего? – нахмурился амбал. – Что не успею с ним договориться до срока?

– Не, этого недотепу пальцем поманить – побежит, – махнул рукой богатырь. – Исполнительный растёт, и с придурью геройской. Смекаешь, о чем я?

– Нет, – честно ответил гость.

– Привести-то душу дитятки он приведет, тут сомнений нет. А вот чью – как раз вопросец. Со звездочкой.

– Так он у вас же этот, с чуйкой? – робко уточнил посетитель. – Наверное, сможет сориентироваться...

– Ага, держи карман шире. Наш балбес, мож, и просветленный по матушке, да только слушает самого себя раз через два, – закатил глаза Радамант и обреченно откусил еще. – В общем, считаю, шо ежели как говорю сделаешь, будет все у вас хорошо с женошкой. Детскую готовить можно, но стенки я б на вашем месте укрепил.

– Учту, Радамант Всеславович! – расцвел минотавр. – А связаться-то с Дмитрием как? Он же в богатырском чине нынче, просто так на улице не наткнешься...

– А вот тут, Максимка, я уже подсобить смогу: связи понаоставались, ими и воспользуюсь, – расплылся в мечтательной улыбке старик. – Как говорится, не любишь рыбалку со старшими – люби минотавров с того света тягать.

Посетитель, явно не осознав смысла последней фразы, робко уточнил:

– То есть мне на озерцо какое съездить надо?

– Не, домой дуй, не сворачивая, – довольно хлопнул рукой по столу пенсионер. – А я обо всем договорюсь, и получишь своего героя прям с доставкой по адресу. Ты только это, ежели справится – не берись в благодарность закармливать, – внезапно добавил дед, глядя на банки с икрой. – Рановато ему. Спасибо хватит.

– Вы уверены? – нахмурился гость. – Все-таки подвиг...

– Это нам, старикам, подвиг, а ему, молодежи, прогулка увеселительная, – подытожил Радамант. – Еще небось дров в процессе наломает, как бы расплачиваться не пришлось. Сделал дело – гуляй смело, ага? Кстати, а с рябчиками у нас в этот раз пролет выходит, да?

Минотавр вздохнул – июль же ж на дворе! – и принялся пояснять за рябчиков.

Но дабы глаза нашего доблестного читателя чуть меньше стекленели от горы без предупреждения вываленной информации, позволим себе разбавить происходящее будничными проблемами обычных московских русалочек. Одна из них – невысокая, лопоухая и веснушчатая – сидела сейчас за офисным столом в отшитом по лекалам компании костюме-тройке и старательно повторяла слова на самодельных карточках.

«Кейс – случай, дело, проблема. Если просят принести – чемодан».

«Инсайд – внутренняя информация, или инсайд, если у собеседника плохая дикция».

«Инсайд – озарение, или инсайд, если у собеседника плохая дикция».

«АСАП – немедленно, ерѐ-ера все горит».

«Частичная деградация продукта – все навернулось, никто не понял почему. “Оно само,,по-умному».

«Перетумачил – переборщил. Так можно говорить только программистам».

«Я вас услышала – ВАЖНО! Только на переговорах вместо “пошел на хрен,,. Своим так нельзя!»

«Нужно переуточниться с коллегами – ВАЖНО! Только на переговорах вместо “Че за бред, впервые про это слышу,,. Своим так нельзя!»

Как пытливый читатель, должно быть, догадался, перед нами Велифера – или просто Валя, – старательно готовящаяся к вводному тестированию по корпоративной этике. Они с сестрами всего неделю стажировались в корпорации Богдана Ивановича, и хоть какие-то выводы пока делать было рано, но староста в свойственной ей манере пыталась во всем поскорее разобраться, дабы наставлять других. Выписывала на карточки и заучивала незнакомые слова и выражения, хвостиком ходила за секретарем патриарха вампиров, Маратом, пытаясь копировать повадки и стиль речи, и с тихим ужасом посещала обязательные курсы офисных приложений, вызывавшие в них с девочками острую любовь к печатным машинкам и черчению таблиц от руки. Вампиры с легкостью шелкали по вкладкам «Экселя», выписывая и объясняя трех-этажные формулы, покуда русалочки, переглядываясь, пытались хотя бы попасть на нужный лист. Пару занятий спустя Богдан Иванович поспешно распорядился доработать расписание и сменить пытки «ПауэрПойнтом» на основы компьютерной грамотности, но Валя, хоть и была благодарна скидке на уровень образования, все же очень по этому поводу волновалась. А вдруг сочтут глупенькими, совершенно непригодными к работе и выпнут вон? Как русалочки посмотрят в глаза тетюшек, а конкретнее Татьяны, так для них постаравшейся? Подвести ее казалось верхом неблагодарности, а оттого Велифера аки губка впитывала вообще все наблю-

даемое в вампирских небоскребах. И чем дольше она это делала, тем больше казалось, будто местным обитателям маленькая причуда патриарха в лице пилотного проекта «Аквариум» из пятнадцати молоденьких девиц была в разы интереснее, чем они хотели демонстрировать.

В привычном нам понимании вампиры не жили – скорее, симулировали жизнь. В их офисе поставили фреш-бар, потому что какой продвинутый опенспейс без фреш-бара? Имелись и отличная столовая, и по несколько кофе-пойнтов на этаж – с чаем, фруктами, пятью видами молока и прочими прибрлудами легкого перекуса между загребанием денег лопатами. Перед панорамными окнами висели качели, в лаундж-зоне примостились массажные кресла, гамаки и мягкие диванчики – и все это добро не покрывалось пылью только благодаря стараниям местного же обслуживающего персонала, терпеливо ее дважды в неделю вытиравшего. Вампиры всегда работали, лишь иногда, при посетителях, изображая, будто пользуются туалетами, бегут на перекур или за чашечкой кофе – и, кстати, делали они это строго по расписанию. Оттого Марат чуть ли не единственный раз на памяти Вали удивился, когда две русалочки во время обеда пошли качаться на качелях и случайно залили грушевым соком подушки в лаундж-зоне. Велифера ждала, что их отругают, но вместо этого пухляши-вампирики периодически бегали небольшими группками посмотреть на пятна. Пару раз она даже застала их за задумчивым изучением несчастных качелей, а сегодня, придя пораньше для подготовки к тестированию, увидела, как руководитель пиар-службы задумчиво раскачивал их рукой из стороны в сторону. Заметив ее, он тут же с каменным лицом умчался по своим делам, но все равно то и дело проходил мимо, поглядывая в их сторону.

Когда русалочки перемещались по этажам шумной толпой, вампиры словно невзначай пытались за ними наблюдать, периодически выкручивая шеи под совсем уж не свойственными живым людям углами. Девочки часто бегали за чаем и кофе, намешивая себе разного, и офисные постояльцы потихоньку начинали повторять их действия, с недоумением пробуя добавлять в напитки сиропы, обычно нетронутыми стоявшие на стойке до истечения срока годности. Два противоположных мира встретились, с интересом подглядывали друг за другом через невысокие пластмассовые ограждения, и – в этом Валя готова была поклясться – никто, даже Богдан Иванович, не понимал, во что это столкновение выльется.

Руководитель пиар-службы снова прошел мимо, кажется, уже пятый раз за полчаса, и староста внезапно поняла, кого он ей напоминает – только-только выкупленную русалочку, очень хотевшую попробовать что-то новое самой, но из стеснительности ждавшую, пока более опытные подруги уйдут. Велифера часто жила с такими первые пару месяцев, объясняя базовые вещи, с которыми те не сталкивались в АСИМ, и привыкла освобождать пространство, если на кастрюлю и пачку макарон задумчиво поглядывала юная сударыня, которой только утром показали, как это совмещать. Но одно дело вчерашняя школьница, и совсем другое – взрослые вампиры, служащие патриарху не первый год...

Внезапно в голове встрепенулся и заметался целый косяк вопросов. Первый звучал так: Валь, а Валь, с чего это ты решила, будто они такие прям взрослые и умные, если сама видела, как бегают на запачканные подушки посмотреть? Остальные были не лучше: по-твоему, нужно игнорировать, что глава их пиар-службы явно хочет покачаться на качельках? А вдруг они умеют пользоваться «Экселем», но не умеют жизнью? А что, если тебя окружают те же молодые русалочки, просто пухленькие и в летах, у которых не было старосты, и никто не учил их пить лавандовый раф?

Велифера привыкла смотреть на остальные, давно живущие на поверхности виды как бы снизу вверх, и потому сама мысль, будто им нужна помощь, не приходила в голову. А ведь нужна. Они ж реально никогда грушевый сок не проливали. Вот бедные гупешечки...

Собрав волю в кулак – все-таки перемещаться по малознакомому офису было еще в новинку, – Валя встала, прихватив с собой карточки и стаканчик Татьяниного латте, мотивирующего не отвлекаться на кофе-брейки и зубрить, и ушла в маленькую переговорку неподалеку,

откуда панорамные окна с качелями совершенно не просматривались. Стоило ей это сделать, и гробовую тишину пустого этажа наполнил отчетливый шорох раскачивающегося массивного предмета. Довольно нелепый шорох, если подумать: он никак не мог стать монотонным и размеренным, и, судя по мощным гулким шлепкам, пару раз вампир даже умудрился с качелей навернуться.

Велифера была старательной, очень старательной русалочкой и знала, как важна подготовка к тестированию. Но когда ты много-много лет староста, некоторые вещи... ну, происходят словно сами собой, иначе бы ты не продержалась много-много лет старостой. Буквально через несколько минут глава вампирской пиар-службы с серьезным лицом внимательно выслушивал от стажерки схему правильного положения тела при раскачивании на качелях: ноги вперед – плечи назад, ноги назад – плечи вперед. Удовлетворившись полученным результатом, Валя вернулась обратно в переговорку и отпила теткин кофе под равномерное пошатывание качелей. Окей, возможно, русалочки и вправду ничего не понимают во флешках, размерах файлов и подключении к офисному вайфаю, но, кажется, они умеют нечто, чему вампиры научить бы не смогли.

Отпив еще, Валя обреченно полезла проверять по карточкам, инсайд это был или инсайт.

Зато другая привыкшая отвечать за окружающих дама в сотне километров от Велиферы точно знала, что именно в очередной раз возникло на ее пороге: головняк.

Нет, по паспорту, конечно, значилось «Адель Анзу». Выглядел головняк тоже вполне сносно: собранные в высокий аккуратный пучок светлые волосы, приятных пастельных цветов деловой брючный костюм, а на бледной, практически фарфоровой коже имелись едва заметные при дневном освещении непигментированные участки. Вот только последний раз Альма Диановна виделась с гостьей не далее чем два месяца назад, когда та забирала документы своего брата и господина, а посему сам факт наличия принцессы гусей-лебедей в директорской папахивал очередной проблемой.

О том, как к описываемому моменту волчица от подобных финтов устала, красноречивее всего говорил ее тон:

– И вы, Адель?

– Простите? – недоуменно переспросила гостья неожиданно высоким, скрипучим голосом.

– Да так... Весь прошлый месяц я имела сомнительную честь отбиваться от вашего бывшего одноклассника, но стоило ему поуспокоиться – и внезапно на пороге возникает вы. Чем обязана? Форма характеристики опять поменялась, и нужно переделать?

– Нет, с документами все в порядке, спасибо за заботу, – чуть поклонилась посетительница, бледнея больше обычного. – Но, к сожалению, Их Высочества изволили передумать и намерены продолжить обучение у вас. Более того, столь соскучились по стенам родного интерната, что возжелали въехать немедленно. Я здесь, чтобы выполнить все необходимые для этого формальности.

– Здравсте, приехали, – выгнула бровь Альма Диановна. – И с каких это пор наш «захолустный клоповник», если позволите прямую цитату, начал котироваться вашим братцем? Помнится мне, сей подающий надежды на избавление от своего общества юноша оттерпел у нас год, сдал положенные экзамены по мимикрии и намеревался продолжать кутеж, простите, обучение в Европе.

– Их Высочества пересмотрели свои приоритеты, – кратко проскрипела Адель в ответ.

Директор вздохнула:

– Знаете, милочка, я теряюсь. Ни вы, ни Роман не считаете правильным говорить сразу как есть, пытаюсь рационализацией прикрыть истину. В отличие от брата, вы-то провели в стенах АСИМ полные пять лет, неужели за это время так и не научились доверять хотя бы мне?

Повисла удрученная тишина. Посетительница, пожевав немного губу, рискнула ее нарушить:

– Боюсь, вынужденная немота, при всем уважении к вам, вызвана исключительно собственным всепоглощающим бессилием.

– Дайте угадаю, ваш братец опять замыслил пакость?

Тишина пропахла беспомощностью.

– Их Высочества намерены уделить должное внимание Своей избраннице.

Альма Диановна вздохнула и, откинувшись в кресле, начала протирать очки.

– Как он узнал? Я абсолютно уверена, что новостей в газеты не давала и на заборах об этом не писала. Честно говоря, рассчитывала хотя бы на год без его участия.

– Ее видели в торговом центре неподалеку, – понурившись, пояснила Анзу. – Сами понимаете, огромные косы привлекают взгляды, а обознаться сложно. Их Высочества давно уже всех, кого могли, посадили отслеживать в Сети любые упоминания...

– Да-да, добрые новые технологии, не оставляющие ни малейшей надежды на уважение личных границ, – покивала волчица. – И если раньше пыл нашего Ромео успешно остужала Семья полным составом, то на моей территории он считает себя безнаказанным?

– В представлении Их Высочеств у вас нет достаточных оснований запретить учащимся взаимодействовать друг с другом.

– Зная Лаэрта – скорее, пока нет.

– Не могу с вами не согласиться.

Директор глянула очки на просвет, удовлетворившись результатом, нацепила их обратно и, подавшись вперед, произнесла:

– Честно говоря, Адель, я, как и вы, скована правилами по рукам и ногам. Принять документы обязана, и, если не хочу присовокуплять к и без того длинному списку врагов еще и гусей-лебедей, мне придется удовлетворить просьбу вашего брата. При этом я прекрасно понимаю, в какой ад он может превратить жизнь другого ученика, – и не строю иллюзий, будто не попытается этого сделать.

Посетительница понуро кивнула.

– Однако, – продолжила волчица, снова отклонившись назад и кинув задумчивый взгляд в окно, – не далее как пару недель назад заинтересовавшая его юная леди имела честь вляпаться в разборки с Феникс – и выйти из них невредимой, не пошевелив и пальцем. Пандора не одинока, за ней есть кому присмотреть, ей есть на кого положиться, и, может статься, моего вмешательства и вовсе не потребуются. Ребенка, конечно, в школе не утаишь, но и Лаэрт не единственный зубастик среди всего этого цирка.

Лютая задумчиво постучала пальцами по столу и бодро подытожила:

– Вот как мы поступим. Летом вашему брату делать в моем интернате решительно нечего: он уже совершеннолетний с дипломом по мимикрии, и никаких особых обстоятельств заселять раньше срока нет – желание жениться точно не смилостивит попечительский совет. Ждем его к нам первого сентября. И вас ждем как его правую руку и исполняющую обязанности главы клина на время отсутствия Лаэрта. Более того, – продолжила волчица с прищуром, – пожалуй, мы оформим вам временный пропуск на территорию для посещений раз в две недели – исключительно с целью получения указаний от Их Высочеств. В роли помощницы вы, несомненно, должны будете неукоснительно печься еще и о его здоровье, советуясь по этому поводу с нашим медбратом. Я предупрежу Берковича.

Светлое лицо Анзу стало еще бледнее.

– Их Высочествам не понравится, что вы не пустили Их в интернат летом.

– Мелочь, а приятно, – прокомментировала Альма Диановна.

– И, скорее всего, в такой близости от цели в начале учебного года Им будет совсем не до меня или управления делами...

– Очень на это рассчитываю.

– Да и с Берковичем мы не виделись уже столько лет. О чем вообще речь?..

– Тема не важна, – отмахнулась волчица. – Погода, здоровье братца, танцы эти ваши. Визиты будут обязательной частью программы, постарайтесь не пропускать и включить фантазию.

– Нет, Альма Диановна, мой вопрос в другом – зачем это вам?

Лютая улыбнулась, продемонстрировав мотивирующий оскал:

– Вы с Романом оба так и не научились говорить прямо, без экивоков, и как пресытившаяся сим по горло сторона я банально желаю наблюдать, кто первый доведет другого до посинения. В любом случае к чему бы ни привели ваши беседы, при самом плохом раскладе Лаэрт просто не получит желаемого.

– А в лучшем? На что вы надеетесь? – продолжала настаивать Адель.

– В лучшем он потеряет и то, что имеет, – пожала плечами директор. – Хотя, конечно, в качестве рекламы моего интерната подобный слоган звучит крайне сомнительно. Но как знать, как знать...

Анзу грустно покачала головой:

– Власть Их Высочеств над клином безгранична.

– Только пока вы в это верите, милочка, – смягчила улыбку директор. – И особенно – пока в это веришь ты.

Глава 2. Мальчишки и девчонки, а также их родители

– Коллега, ведьмы возвращаются, хотим мы того или нет. И в качестве заслуженных педагогов с многовековым стажем нам с вами остается только одно: монотонно пытаться приучить их хотя бы к сменке.

Из частных бесед госпожи директора с заместителем

Как, должно быть, заметили некоторые особо пытливые читатели, от привычки давать главной героине право голоса не ранее второй главы трудно избавиться. За прошедшие после встречи с Феникс недели мельком увиденная колонна богатырских машин осталась для Пандоры единственным признаком возможных неприятностей, но поскольку в школу никого срочно не вызвали и никаких серьезных разговоров за этим не последовало, девочка мало-душно решила, будто взрослые сами разобрались. Если честно, директор ей вроде бы и нравилась – по крайней мере, по рассказам мамы, Лютая строго следовала своим принципам, а по папиным байкам – догоняла и следовала им вдвойне, – но лишний раз маячить перед глазами руководства школы не хотелось. И без того сам факт поступления малолетней ведьмы в святая святых сказов казался довольно сомнительным даже Королеве, но, как метко выразилась Марго в беседе с мужем, после «неких известных событий» Альму Диановну настиг катарсис и собственное мнение она перестала разделять. Давайте и мы с вами попробуем ненадолго оказаться в шкуре директора школы – пожалуй, в кои-то веки в прямом смысле слова.

Но начнем издалека. К сожалению, вне учебного процесса Тимофей Иванович старается не читать лекций, свято блюдя заповедь «Всякий труд должен оплачиваться», поэтому вместо поставленной речи бывшего педагога придется довольствоваться моими сбивчивыми объяснениями. С ведьмами, как вы наверняка уже поняли, все складывалось довольно сложно. Взять хотя бы Пандору: папа – богатырь, то есть человек. Мама – русалка, сказ, еще и нежить. Что говорит опыт поколений? «Потомства у человека и сказа быть не может». Что сказал врач? «Поздравляю, у вас девочка», парам-парам-пам! Показания не сходились, и первым действием Маргаритиферы после получения второго мнения и вываливания сюрприза на голову супруга стало посещение родного интерната и лично Альмы Диановны, в свое время повторявшей опыт поколений аки мантру. Выяснилось: правило непреложно, но иногда, редко-редко в нем бывают исключения. А среди них, собственно, ведьмы. Потому такие ма-а-а-аленькие отклонения старательно замалчивались и утаивались от широкой общественности, а это в свою очередь порой приводило к казусам в виде готовой откручивать головы беременной русалки. Или, к примеру, к молодому жожаку оборотней, намеревавшемуся дать ребенку от брака с богатыршей все права полноценного наследника. Когда Потапов созвал вече и вывалил перед Лютой найденные в богатырских архивах старые записи об аналогичных союзах, заодно представив всем беременную жену, кровавая летопись последних веков моментально пронеслась перед глазами госпожи директора. Но одно дело – неизвестные колдуньи на краю земли, которых находили и выдворяли в Лес лешие, и совсем другое – дитя одного из наиболее перспективных воспитанников. Срок поздний, а Мишка упрям... Альма Диановна не решилась вмешаться, не будучи готовой нести ответственность за последствия, и итог вышел чудовищен и печален: Потапов убит, власть от медведей перешла к волкам, супруга бывшего жожака скрылась в неизвестном направлении при помощи брата-богатыря – и оба немедленно были объявлены в розыск. Позже Лютая узнала, что Мария счастливо разрешилась от бремени дочкой, здоровой медведицей. Да, среди и без того малочисленного потомства подобных альянсов ведьмы хоть и мелькали, но оставались скорее исключением, и чаще всего гены родителей брали верх. Вот и

умер Михаил по факту ни за что, из банального страха окружающих перед будущим, которое так и не наступило.

Госпожа директор, как и все мы, за свою длинную жизнь близко познакомилась и с горечью утраты, и со страхом поражения, и с гневом разочарования. Но идея просто прожить эмоцию Альму Диановну не устраивала категорически: она с рыком вытаскивала свои чувства на свет, заглядывала им в глаза и искала причины. Стоило ли замалчивать правду? Чего на самом деле боялась старая волчица? Точно ли проблема крылась в самом факте существования ведьм, а не конфликте, который развязали все? Что прошлое значит для будущего? И самое главное – как бы она научила других поступать в таких случаях?

Потому, когда всего лишь год спустя после трагедии Потапова в кабинете Лютой возникла настроенная не менее серьезно и тоже искавшая ответов Маргаритифера, Альма Диановна встретила ее с выполненным домашним заданием и рассказала правду. Перспектива – привести в мир ведьму – звучала так себе, но альтернатива – лишить жизни девочку просто из страха перед потенциальными способностями – не рассматривалась вовсе. Пандора оказалась максимально внезапным и незапланированным ребенком, и чем старше становилась, тем больше понимала, насколько сильно рисковали родители. Но Марго приняла решение дать дочери шанс и ни на секунду в нем не усомнилась.

Проблемы пошли сразу же. Молодая семья не просто впервые воспитывала чадо – с этим хоть как-то помогала начавшая обильно выпускаться примерно в те же годы справочная литература, – но и буквально не знала, чего ждать. Все слухи, старые записи и предположения проверялись на практике, и в итоге довольно быстро Маргаритифера отбросила пыльные трактаты и разрешила Доре делать то и так, как подсказывает ей собственное чутье. Получалось... интересно. Не всегда безопасно, но очень интересно. А оттого, сколько девочка себя помнила, кроме родителей и дедушки, пусть и пожилого, но, мягко говоря, выдавшего разное богатства, с ней нянчился только Максим – дядя Му, минотавр, обладавший максимальной устойчивостью к чарам. При этом, конечно, исторические раны никуда не делись и раскрывать истинную суть ребенка направо и налево не рекомендовалось. Раз уж охота на ведьм началась не просто так, а из-за прямой угрозы существованию и людей, и сказов, радостно заявлять, мол, здрасте, прошло триста лет и древнее зло вернулось, стало бы верхом безумия. Однако – и Королева это быстро поняла – повышенный магический фон дочери отлично считывался Древними и, в отличие от своих более быстротечных собратьев, они как раз относились к ведьме, пусть и малолетней, с уважением: помнили и другие истории. Более того, порой ими делились.

По их воспоминаниям выходило, будто ведьмы существовали всегда, сколько жили сказки бок о бок с человечеством, – и причины тому вполне ясны. При этом довольно часто магически одаренные женщины не только не вредили, но и защищали своих родственников с обеих сторон от различных нападений. Однако человечество росло, крепло, все больше и больше отгораживалось от непохожих на себя и постепенно придумало собственное объяснение любых магических проявлений, после чего, словно типичный изобретатель вечного двигателя, принялось категорически обижаться на каждого пытавшегося его умозаключения опровергнуть. Шли столетия, роль религий в управлении государствами усиливалась, сказки бочком-бочком обособлялись, приучаясь жить самостоятельно и особо не отсвечивать, но вот ведьмы ни в одну категорию не вписывались – и это привело к гонениям. Далее события нарастали точно снежный ком: гонимые резко радикализировались, гонители радостно восприняли это как подтверждение своей правоты, удвоили усилия – и в Средние века человечество, сказки и ведьмы бодро вкатились под девизом бойни всех против всех. Да, в те времена ведьмы взаправду жгли и морили целые города – тому есть свидетельства. И да, в те времена и ведьм, то в ответ, а то и превентивно, самих жгли, пытали и морили – такие свидетельства тоже имеются. С исчезновением колдующих, от которых ни сказки, ни люди не знали, чего ждать, воцарилось хрупкое подобие равновесия, когда ни одна из сторон не могла уничтожить другую, не нанеся себе

непоправимого вреда. Нет, изредка то там, то здесь всплывали отдельные экземпляры, но бдительные лешие их выслеживали и, если все складывалось удачно (хотя еще вопрос для кого), изгоняли в Лес. В сухом остатке можно сказать, что за последние лет пятьсот мир приложил максимум усилий, дабы подарить Пандоре наиболее сомнительный стартовый набор для карабканья по социальной лестнице. Из-за этого и учиться применять врожденные навыки – читать, колдовать – приходилось незаметно, быстро и эффективно – довольно спорный список обязательных требований для новичка. И как будто мало этого, конкретно ведьме Пандоре повезло получить еще и второй восхитительный нюанс непосредственно от матери, Маргаритиферы.

Как помнят дорогие читатели, Марго – единственная русалочка на поверхности, так и не выкупленная у Морского Царя – по документам до самой смерти оставалась рабыней. Следуя древним нормативным актам и договорам, которые сказочное общество ценило и из-за которых не вмешивалось в судьбы морских дев, потомство Маргаритиферы – ежели таковое когда-либо объявится, конечно – тоже принадлежало Морскому Царю. Благодаря этому к милой фобии однажды оказаться в беспамятстве на костре – колдовать Пандора могла, только покуда пребывала в сознании, а подкрасться или иным способом вырвать подростка, пусть это и ведьма, очень легко – добавилась и вторая: стать чьей-то вещью. Еще вопрос, что хуже – просто умереть или плясать под дудку морского чудища. Больше всего девочку бесило пришедшее с годами понимание, что начини ситуация развиваться по дурному сценарию – и весь мир ничего не сделает, будет просто молча прятать глазки и шаркать ножкой, ведь речь о старых законах. Да-да, наверняка подписывавшие пакты далекие предки предусмотрели все-все, и быть такого не может, будто лепили соглашения не подумав, аки подорожник к ране, лишь бы прекратить раздоры. Не могла же ватага ныне мертвых необразованных вояк не предвидеть в качестве результата своих действий появление в сказочном сообществе ведьмы без малейших перспектив на нормальную жизнь, причем еще и принадлежащую какому-то поехавшему рабовладельцу со дна морского?

А самое веселое, что оба сомнительных факта Дориной биографии – и рабское положение, и истинная сущность – могли буднично вскрыться при ознакомлении с графой «родители» в личном деле и здорово усугубить жизнь всех близких девочке людей, а некоторым и вовсе стоить оной. Парам-парам-пам!

Поэтому с самого детства Пандора училась двум вещам: не вмешиваться без особой необходимости и не вываливать на окружающих ношу знаний о своей ситуации без активного на то согласия. На фоне всего этого лишний раз мельтешить перед глазами директора, лично принявшей ее по поддельным документам и прекрасно знавшей, что глубоко внутри Пандора никакая не Добротворская, а вполне себе Бляблина, девочка считала чрезмерным заигрыванием с удачей. Чем меньше о ней известно, тем в большей Дора безопасности, и покуда она в АСИМ с его гарантиями защиты учащихся, все под контролем. Но и родители, и дочь прекрасно понимали: как ни прячься и ни таись, рано или поздно о ведьме узнают, а школа – закончится. Тогда-то и наступит самый важный день в жизни, когда останется только одно: драпать.

Пандора порой гадала, как сложится ее будущее. Каждый день ехать куда глаза глядят на Буцефале, обедать в кафешках на заправках, спать в машине? Или, наоборот, безвылазно куковать в хижине посреди лесной глуши – не как у Александра Витольдовича, а настоящей глуши, куда никто, кроме леших, дороги не найдет? В постоянный дом верилось меньше: по закону частную собственность полагалось вернуть владельцу, и если прямо сейчас опекун с сородичами и не проявляли желания за шиворот приволоочь Дору к ближайшему берегу морскому, никто не мог гарантировать, будто так оно останется и впредь – к примеру, в случае если Морской Царь затребует свое по праву. Значит, скорее всего, Буцефал и вечная дорога. Папа тоже больше верил в этот вариант, потому и оставил дочке своего любимого коня. А мама... Мама полагала, будто Пандора способна изменить все самым фактом своего существования.

Смотрите, вот ведьма. Она может сделать плохо, а может и помочь. Понятия не имею на самом деле, чем все кончится. Кстати, я – мать ведьмы. Тот сомнительного вида типчик в малиновом пиджаке – ее отец. И все вместе мы предлагаем решить вашу проблему... нетрадиционными методами, но только в том случае, если вы прямо сейчас опустите палку, перестанете кричать и объясните, что, собственно, не так. Вас притесняют? Ой, прямо как ведьм. Вас беспричинно боятся? Ой, прямо как ведьм. Вас хотят изгнать в Лес просто за сам факт существования? Ой, знаете, мне это что-то напоминает, а вам? Ведьм? И как я сразу не догадалась! А раз мы такие похожие, может быть, попробуем чуть-чуть снизить градус взаимной неприязни, объединить усилия и... нет-нет, менять мир – перебор, я прекрасно понимаю, вы хотите простой спокойной жизни, как раньше. Вот и постараемся сделать ее спокойной. С ведьмой под боком именно так и будет...

Королева умела, не разуваясь, забираться в самые потаенные уголки души и ярким светом – ну или высокой волной, как повезет – расчищать местные шкафы от скелетов. К счастью, именно такая женщина стала матерью Пандоры и к моменту своей смерти сумела сплотить вокруг дочери пусть и небольшую, но максимально надежную компанию совершеннолетних и не очень существ, решивших дать ведьме шанс – и не собиравшихся лишать себя шансов, дарованных ведьмой. Сейчас, когда Королевы не стало, исчезли прямые приказы и главенствующее лицо, но каждый член Семьи остался связан с другими и волен поступать как считал нужным. Пандоре прежде казалось, будто не успеет тело Марго остыть – ну или точнее пена испариться, – как о ведьме узнает весь мир. Но прошел месяц, за ним другой, а тайна с двумя косичками, все так же оставаясь тайной, задумчиво смотрела на звездное небо со своего широкого мягкого подоконника и гадала о грядущем. Семья продолжала поддерживать друг друга даже после ухода Королевы. Если отец передал дочери идеальное средство передвижения, то мать оставила организации значительные капиталы и память о безграничной помощи. Вот и посмотрим, какое приданое окажется полезней: в конце концов, уровень прав Доры был даже не птичьим – уж кому-кому, а гусям-лебедям несмотря и вопреки оставались открыты все двери, – а исчезающе малым. А пока поживем.

Сейчас, когда базовые потребности вроде отоспаться и защитить подругу от поехавшей Древней были удовлетворены, голову девочки занимали в основном философские вопросы. Совсем ли слетел с катушек опекун, раз зовет вышеупомянутый набор проблем замуж? Безопасно ли родному отцу преподавать в той же школе, в которой Дора будет учиться? И главный, со звездочкой: насколько нормально, что вторая личность друга-вампира видела ее как облувленную и бровью не повела? Все разошлись, спать еще не хочется, о чем позагоняемся – про Александра Витольдовича, папу или Ганбату?

Сбоку в руку осторожно вложили большую кружку теплого какао – верный Репа исполнительно принес его девочке на всякий случай и совершенно ненавязчиво развалился поперек ног, подставив пузо. Сочтя это знаком, Пандора принялась наглаживать нежный и лишь самую чуточку жирноватый животик и размышлять о приютившем ее лешем. Пазл как с первых дней их знакомства не складывался, так и не начинал.

Александр Витольдович Пень, именуется себя старьевщиком, но, когда он так делает, у всех окружающих лица перекашивается. Ведет себя крайне нехарактерно для лешака: живет в одиночестве, но при этом неподалеку от АСИМ и в целом цивилизации, к тому же с Семьей некие дела имел, и самое мозговыносящее – на полном серьезе надеется однажды на ней, Пандоре, жениться. Поехавшие поклонники с закидонами девочке были не впервой, но обычно мама старалась Дору от них ограждать и уж точно не отправляла к таким субъектам на полный пансион. Леший он довольно молодой, судя по почкам на шее, и явно не такой уж и рафинированный, каким пытается казаться. Когда-то даже джинсы носил! Страдает от загадочного недуга, о котором не распространяется, но как заведенный уверяет, будто магия Доры ничего не усугубляет. И вообще, максимально в курсе истинной природы подопечной и ее родственных связей,

но за попытками сослать в Лес или передать на поруки Морскому Царю замечен не был – если, конечно, все эти тонны розовых рюшей не намек. Подводя итог, Пандора осознала: пожалуй, единственное типичное для лешего качество в ее опекуне – нелюбовь к технологиям, но и с ней он скрепя сердце (и порой, когда думал, будто Пандора не видит, – зажмурившись) пытался бороться, периодически через Ганбату запрашивая в поисковике новые рецепты. В любовь не верилось, ну вообще. На всякий случай Дора даже пару раз внимательно проверила в зеркале, не успела ли сильно измениться за лето, но нет – и легкая подростковая сутулость, и прочие категорически отличавшие ее от мамы качества никуда не делись, и за роскошную красавицу, от которой можно обалдеть с первого взгляда, она не сошла бы даже по очень непритязательным меркам. Нет, конечно, полюбить можно не только за внешний вид, но они ж до заявления о женитьбе буквально всего парой фраз перекинулись! Однако в чем точно Пандора по отношению к своему опекуну не сомневалась – в собственной тайной страсти иногда его подбешивать. Возможно, то была лишь игра воображения, но иногда казалось, будто у благовоспитанного фасада, привыкшего к длинно-занудно-педагогическим речам, порой отходит штука-турка, обнажая чертовски радикальное граффити, и Доре безумно хотелось увидеть картинку целиком. Только при ней Александр Витольдович позволял себе снять шейный платок, подставляя солнцу многочисленные порезы от сбритых почек, но один на один они оставались крайне редко – рано утром и поздно вечером, и то лишь благодаря неизвестно откуда взявшемуся в Ганбате здравомыслию. Все остальное время и вампиреныш, и Катя с Геной были рядом, и это лето, несомненно, било рекорды по количеству общения со сверстниками за всю Пандорину жизнь.

Мысли плавно перетекли с опекуна на Ганбату, с которым, будем честны, понятнее не выходило. Итак, он точно вампир – так и его отец сказал, и все подтвердили. Солнца боится, факт! Но если обычно вампиры взрослые и полноватые, сдержанные и не испытывающие эмоций, то Ганбата словно из комедийной дорамы сбежал, причем вполне вероятно, что с главной роли. Пожалуй, Гена в вассалах была и оставалась самым понятным фактом его биографии: молодую медведицу нужно было оградить от волков, и мужской прайд вампиров, по мнению Маргаритиферы, тянул на единственную официальную силу, на это способную. Подергав за правильные ниточки, мама Доры лично отправила дочь Потапова к наследнику патриарха, но Пандоре и в голову бы не пришло, что однажды она с обоими познакомится. И уж тем более она не ожидала расщепления личности и некоего таинственного другого, который, по словам Ганбаты, всегда был рядом, все слышал и включался в самый ответственный момент для охраны, поскольку в прошлом осталось некое незаконченное дело и до него надо дожить. Примерно на этом этапе размышлений мозг Пандоры делал «Ась?» и отказывался искать разумные объяснения: всем же известно, вампиры после укуса ничего не помнят. Ага, а у сказов и людей не бывает детей. Парам-парам-пам!

Впрочем, одна мысль касательно Ганбаты все-таки преобладала, и чем больше Дора ее вертела, тем интереснее становилось. Тот, второй, был кем-то... необычным. Видел ее истинную суть. Смог оценить бой Искры с Феникс и даже, кажется, на всякий случай защищал во время него саму ведьму с компанией. Ганбата определенно не тянул на типичного вампира, и это внезапно успокаивало. Одно дело, когда ты единственная паршивая овца, и совсем другое – когда стадо хоть и блеет как по команде, но из-под белых шкур у каждого торчит серая шерсть, а то и комплект клыков. Возможно, Пандора и вправду претендовала на роль самой большой проблемы Альмы Диановны, но уж точно не была единственной.

И это плавно заставляло задуматься о прочих учащих АСИМ и папе, который каким-то образом теперь тоже оказался в интернате, причем в качестве ассистента преподавателя. На этом финте собственную историю Пандора уже вообще понимать перестала: патриарх, отец Ганбаты, ни с того ни с сего решил обезопасить Кирилла от богатырей, передав на поруки Альме Диановне, а та взяла и... взяла его! И эта женщина должна научить ее, Дору, как стать

ответственным членом социума и не лезть лишний раз на рожон? Верилось с трудом. Зачарованный чемоданчик, конечно, оставался с отцом, но блин... Двдцатилетний провал в памяти тоже! Он же вообще ничего не понимает и не знает, а вокруг, за пределами интерната, негостеприимный мир, очень и очень ждущий, когда можно будет предъявить все нажитые за эти годы претензии. И богатырям, и сказам найдется что припомнить – жизненная позиция Кирилла накрепко застряла на отметке «Выбесить всех разом», а потому Пандора за отца волновалась. Да, по факту, конечно, взрослый, телу-то за сорок, а вот по мозгам... примерно как Димка, получается? Мало адаптироваться к текущей действительности, надо еще и от прошлого как-то отмахаться, и будущее хотя бы схематично наметить.

«А что, – подумалось ей неожиданно, – закончу школу, и вместе махнем на Буцефале куда глаза глядят, только нас и видели». Звучало идеально, но только для самой Пандоры – девочка-то знала, кого запланировала взять в спутники, а вот Кириллу она совершенно чужая. Да, в курсе, что растил – ну, если, конечно, верить призраку мертвой жены, – и только. В принципе, впереди пять лет, за это время вполне можно... ну, подружиться, наверное? Он же тут один, если старого приятеля с работы не считать? Конечно, внезапное внимание от подозрительного подростка скорее напугает, но вроде этому даже есть нормальная, объяснимая причина, которая точно не натолкнет его на правильные и опасные для самого же выводы? Догадается ли он, что не просто растил Дору, а реально был ей отцом?

По опыту с прозорливостью сводного брата очень хотелось категорически ляпнуть «Ни в жизнь!», но с Кириллом дела обстояли чуть сложнее. Мама постоянно обращала Дорино внимание на это: вроде простой как три рубля, а нет-нет да и вникнет в самую суть, ткнет пальцем в небо – зато в середку, и сбрасывать со счетов загадочную проницательность, включавшуюся в самый неподходящий момент, не стоило. Ладно, попробуем осторожно прощупать, как он там, и будем строить планы уже по факту. Кстати, о планах. У папы ж день рождения через неделю? Девочка чуть нахмурилась и даже енота чесать перестала, вызвав небольшое мохнатое недовольство, которое, однако, быстро спохватилось и замаскировало возмущение под попытку повернуться поудобнее. Да, через неделю. И он часто повторял, мол, раньше, в молодости, их ненавидел, потому что всегда оставался один и без подарков – ну, дедушка не в счет. В Семье, конечно, было не так. Шумные сборища, все бьют папу по спине, вспоминают какие-то спорные случаи, мама хмурится – но гордится им, сияющим среди единомышленников аки солнышко. С громкой вечеринкой в АСИМ, предположим, провал полный, но можно же, наверное, как-то сделать его день рождения менее отвратным, чем он привык в той, прошлой жизни, без Марго и дочери?..

Усталость потихоньку брала свое, но в противовес желанию спать в Доре резко проснулось почти незнакомое, часто игнорируемое чувство. Этакий микробунт, жажда поступить как считает правильным, не оглядываясь на других. Всячески повертев мысль в голове, девочка приняла решение. В конце концов, если она ждет, что Александр Витольдович перестанет ломать комедию, самой тоже было бы неплохо в эту сторону если не двигаться, то хотя бы лежать. Итак, она Пандора Добротворская. Чего она хочет и чем займется в будущем?

Оставив недоумевающего енота ненадолго одного на подоконнике с подушками, девочка вернулась туда с одеялом и, устроившись поудобнее, продолжила размышлять. Если хочется – спать можно не только в кровати, а праздник взрослому, но такому потерянному папе тоже вполне получится устроить. Ну и даже если о ней кто-то подумает плохо или сочтет странной... она же ведьма, в конце-то концов. В любом случае именно так оно и выйдет. Переживать не о чем.

Как ни удивительно, примерно в то же время о днях рождения задумался и ее собрат по музыкальным вкусам: в качестве доказательства мы могли бы наблюдать прищурившееся лицо вампиреныша, подсвеченное экраном телефона. За окном стояла все та же глубокая ночь,

подруги, включая переехавшую в женское общежитие Гену, предположительно спали сейчас у себя, и для Ганбаты наступило время «Сладких небес». Роман с Дайго, кардинально отличавшийся от ветки с Сайонджи, шел к своему логическому завершению, и, казалось бы, в этот раз счастье грозило настичуть героиню игры и без пафосных полетов со скалы, но кое-что смущало юного наследника патриарха. Кардинально смущало.

По сюжету Дайго был таким японским аналогом Пня: некий сильный сказ, любящий повыделываться, но предпочитающий сидеть в лесу. Вылез он оттуда только ради героини, в процессе даже отмылся и более-менее прилично приоделся, да еще и в отличие от предыдущего любовного интереса постоянно шутил, творил милоту и с первых часов игры производил впечатление «Наконец-то у нас нормальный парень».

Однако прямо сейчас теплый и смешливый тэнгу с непередаваемой грустью в голосе рассказывал героине Ганбаты, что никогда в жизни не праздновал свой день рождения и ее потуги сделать торт (вышел откровенно страшненький, прям как будто вампиреныш взаправду лично лепил) тронули его до глубины души. Дальше – больше: пошли истории о вечном одиночестве, служении, долге и капитальной невозможности выбирать даже в мелочах, а потому она, героиня, здесь и сейчас своей заботой уже дала ему больше, чем Дайго смел надеяться. Может, конечно, это после Сайонджи наследнику патриарха во всем виделся подвох, но направление дискуссии не нравилось совершенно. По всему выходило, будто парень сейчас порадуется празднику, рядышком постоит красиво в кат-сцене со сверкающими от слез глазами и гордо умотает обратно в свои горы грустно пырнуть на окружающий мир без никого рядом только потому, мол, будто подобная жизнь для юной леди непривлекательна. Конечно, страшный торт Ганбата со счетов не списывал, и вполне могло статься, что именно из-за него Дайго резко передумал впадать в отношения. Но больше всего походило на всамделишного Пня, со всеми этими «Никто не поймет», «Один я сирий да убогий» и прочим набором вселенской скорби, когда герой бедный, несчастный и, главное, ни на секунду не помышляющий спросить у окружающих, а чего они на самом деле думают. В общем, главным открытием второго прохождения «Сладких небес» становился вывод: окончательно ты влюбился именно тогда, когда захотелось со всей силы отвесить избраннику подзатыльник и профилактически на него наорать.

Окунувшийся в бурю чувств возмущенный вампиреныш поставил игру на паузу и внезапно засуетился. Открыл календарь на телефоне – блин, какая удобная штука! Надо было раньше догадаться, что папка в сотовом торчит не только по работе! – и внимательно с ним сверился. Так, у Генки ж через неделю день рождения, да? Обычно все планировал и организовывал Марат, папин секретарь, но в условиях проживания в АСИМ теперь он, Ганбата, на правах старшего должен проверить подготовку самостоятельно. Пожалуй, приди эта идея в голову чуть раньше, сомнений бы не возникло: просто повторяй как заведено, и дело с концом. Но после прочувствованной речи Дайго над уродливыми коржами где-то между вампирских ушей поселилась мысль: а самой-то Гене чего надо? Нет, закупить ювелирки, каких-нибудь косметических штук и прочих традиционных ценностей от занятых взрослых звучало не сложно, благо огромный торговый центр неподалеку никуда не делся, но Ганбата чуть ли не впервые за много лет осознал: она ж их и не трогала, считай. Смотрела с кислой миной, распаковывала, говорила дежурное спасибо, вертела в руках пару раз – и только. На запрос «Лучший подарок подростку на день рождения» браузер заботливо выдавал тот же самый набор, и это не подходило категорически. Гена не любит украшения, макияж, ароматические свечи и прочие приблуды. А что любит?

Самому Ганbate, конечно, тоже дарили подарки, но прогадать было сложно: кричащая одежда, яркая обувь, новый плеер, поскольку ломал он их быстрее краш-тестов, и, разумеется, альбомы и синглы Акиры, выходившие с завидной регулярностью. Он помнил свою радость от вскрытия обвязанных лентами коробок и, кажется, начинал понимать вечный Генин скепсис перед праздниками. Ну да, вампиры не спрашивали, все ли хорошо, – а она не говорила.

Странно, кстати, обычно же всегда ругается, только повод дай, а тут молчала столько лет... Задумчиво глядя на поставленную на паузу игру, юный наследник патриарха мужского прайда вампиров начал смутно подозревать, что, возможно, в его окружении Пень оказался далеко не единственным любителем молча страдать в углу на пафосных шах. Значит, нужно не просто отпраздновать день рождения вассала, надо брать ситуацию в свои руки!

Не дождавшаяся от пользователя признаков жизни игра запустила заставку, Дайго начал вещать голосом любимого певца о важности простых счастливых минут, а в голове юного вампиреныша всю зароились сложные схемы, не включавшие в себя разве что выпрыгивание странных тетенок из тортов. Спросить Гену напрямую о желаниях, конечно, стоило – и это значилось первым пунктом, но по опыту прошлых лет на полезную информацию Ганбата практически не надеялся: пробурчит нелестное, хмыкнет – и все, сам выкручивайся. А он хотел не выкручиваться. Он хотел порадовать, хотел...

Странное чувство, незнакомое и одновременно родное, захлестнуло с головой. Забота? Не совсем. Как будто когда-то давно он уже пытался вызвать на чьем-то кислом лице если не улыбку, то хотя бы заинтересованный взгляд. Словно он...

Правая рука вампира внезапно поднялась на уровень лица и, привлекив этим внимание, щелкнула пальцами у него перед носом. Мальчик моргнул, а затем нахмурился.

– Вообще-то ты меня с мысли сбил, – хмуро сказал он самому себе, после чего – неслыханное для ночи, созданной во славу игр – и вовсе закрыл «Сладкие небеса» и вернулся к браузеру на телефоне.

Мимолетное чувство, подступившее к горлу воспоминание забылось, улетучилось, и вместо него мысли поспешно потекли по более привычному, насущному руслу: к примеру, когда день рождения у Доры? А она его позовет в гости? А можно он и для нее тоже праздник подготовит? А если важно праздновать именно с близкими, то есть ли они у Пандоры? И как сделать, чтобы были?

Все внимание вампиреныша переключилось на двух его главных друзей, к незваному дежавю более не возвращалось, и второй, деливший с ним жизнь, выдохнул. Было опасно близко, а главное, практически на пустом месте – он еле успел среагировать. Приятно, конечно, знать, мол, ты настолько хорош, что способен самостоятельно провалиться в те участки памяти, к которым обычно доступа у вампиров нет, но... Не так рано. К некоторым внутренним демонам Ганбата пока не готов.

А к некоторым – еще не готов внешний мир.

Довольно далеко от них, в северной части Москвы, связанные с мужским прайдом вампиров размышления тоже имелись. В подвале ночного клуба Abussus за столом своего заваленного документами кабинета матриарх женского прайда внимательно пересматривала записи с камер видеонаблюдения, выслушивая доклад доверенных телохранительниц. В какой-то момент остановила их нетерпеливым жестом:

– То есть я правильно поняла, Богдан не только не успокоился после прошлого раза, но и притащил к себе еще русалок?

– Именно, – кивнула помощница. – Пятнадцать штук.

– И все они... делают что? – непонимающе уточнила Марина.

– Отлынивают от корпоративных курсов и пасутся вокруг кофе-точек, насколько мы можем судить, – повторила та. – Ничего полезного покуда замечено не было.

Матриарх продолжала недоуменно изучать видео на экране.

– И папенька это разрешил...

– Вы уверены, Марина Ивановна? Возможно, Иван Карлович остался в неведении, а Богдан Иванович, как обычно, взял на себя больше полномочий, чем ему полагается по статусу?

– Уверена, – мрачно буркнула матриарх в ответ, глядя на какую-то лопоухую ошибку природы с плохо покрашенными синими волосами. – Уже с ним созвонилась. Даже договорить не дал: сказал, мужскому прайду понадобилось усилить маскировку в связи с нездоровым интересом контролирующих органов к гендерному составу сотрудников компании. И добавил, мол, чуть больше дюжины способных выйти на солнце женщин еще никому продажи не испортили.

В офисе повисло обиженное молчание.

– То есть подчеркнул – нас туда не звали?

– В каком-то смысле, – кивнула Марина Ивановна. – Мы бы и сами не согласились, но заставить Богдана побыть в роли просителя, конечно, дело святое. Жаль, пока несбыточное.

Кадры сменялись кадрами. Стайка смазливых девчонок вилась у штаб-квартиры мужского прайда вампиров, в какой-то момент к ним прибежала та самая лопоухая со стаканчиком кофе, и все вместе зашли через парадный вход. В течение дня они периодически бегали в соседние здания за бытовыми мелочами и перекусами, жевали бутерброды на лавочке во внутреннем сквере, хохотали, поправляли макияж и переписывались в телефонах... Не сходилось.

– На фига русалки, почему не обычные женщины? – озвучила волновавший вампирш вопрос вторая телохранительница.

– Подозреваю, – прищурилась матриарх, – тут замешана либо наша зазнавшаяся знакомая Рыбка, либо ее сестра с кислой рожей. Та самая, к которой Богдан козликом каждый перерыв скачет.

– Подтверждаю, – закивала первая телохранительница. – Частота визитов патриарха в кофейню увеличилась на четверть по сравнению с показателями за предыдущий период и сохраняется на этом уровне.

– Он явно что-то затевает. Но что?.. – Марина Ивановна побарабанила по столу и, закрыв глаза, внезапно хмуро пробормотала в никуда: – Женщин?..

– Простите? – напряглись подручные, к собственному сожалению слишком хорошо знакомые с резкими перепадами настроения матриарха.

– Папенька сказал «способных выйти на солнце женщин». Он не упоминал русалок, – задумчиво пояснила та, вглядываясь в записи с камер. – А говорил ли ему Богдан, кого конкретно к себе притащил?..

Телохранительницы расплылись было в победных улыбках, но лицо Марины, напротив, стало лишь мрачнее, и радость те поспешили спрятать.

– И точно так же, как папенька не задумался, кем мой дорогой коллега пополнил свой штат сотрудников, мы с вами упустили другой до безумия важный вопрос.

В кабинете повисла тишина. Игру в «Неужели вы не заметили очевидного?» матриарх практиковала часто, и правила помощницам были известны: долго молчите – на вас наорут. Ошибешься – на тебя тоже наорут, но со вкусом, отводя душу, а потом все равно спросят соседку – и наорут, если не угадала и она. С такими вводными стратегия молчать при любом раскладе казалась наиболее выигрышной – ей они и последовали.

Однако в этот раз Марина Ивановна явно очень хотела поскорее поделиться догадкой, поскольку полностью проигнорировала стадию вытягивания предположений клещами и почти сразу победоносно подытожила:

– Главный вопрос не в том, чья это затея. И даже не в папенькином понимании происходящего, о нет. Мы должны сфокусироваться на другом единственно важном факте, идущем вразрез со всем, что на данный момент нам известно.

И, выдержав драматическую паузу, обвела телохранительниц торжествующим взглядом и ткнула пальцем в экран.

– Откуда они вообще взяли эту дюжину с лишним русалок?

Глава 3. На сладкое

– Полкаша, матч вчера смотрел, да? Видал, как наши твоих уделали?

– Радамант Всеславович, я Сергей, и в отличие от отца футболом не интересуюсь.

– Глупости не говори! Итак, на второй же минуте...

Примерно в этот момент диалога с начальством Сергей Полканович начинал заедать стресс конфетами

Теперь, когда лето потихоньку перевалило за половину, жизнь в одной отдаленной от цивилизации избушке старьевщика наконец-то приобрела черты размеренности. Пандора, поначалу смотревшая на опекуна настороженно-недоуменно, нет-нет да и нарушала протокольную вежливость по отношению к старшему, постепенно переводя его, Александра Витольдовича, из разряда «взрослый, поэтому при нем лучше не отсвечивать» в «кажется, сойдет за своего». Шаги были крохотные, но важные: то, пыхтя, кресло в кабинете передвинет, чтобы он не за километр сидел, то про очередной просмотренный с Катей фильм рассказывать начнет, а недавно и вовсе аккуратно намекнула, что с учетом количества рюшей силуэту сшитых им платьев вряд ли повредит пара карманов и можно было бы поэкспериментировать и в этом направлении. Леший даже обещался попробовать, особенно после горячей отповеди Ганбаты о том, насколько женские одежки неудобные. Более того, вампиреныш – боже, неужели княжич дожил до дня, когда на полном серьезе стал ссылаться на его мнение? – полагал, будто прогресс налицо: горячие обнимашки были, совместные посиделки – тоже, чего еще желать? «Многого», – хотелось ответить Александру Витольдовичу. К примеру, чтобы упомянутые «обнимашки» свершились не из-за личной слабости лешего к морозу, чьим проводником был Крионикс, а примерно по любому другому, желательно романтическому поводу, а посиделки проходили бы не в режиме «стадо подростков и категорически не вписывающийся в их общество он, Сашка». Но имеем что имеем: все-таки сударыня еще слишком юна. Даже у самого Александра Витольдовича малейшие попытки представить конфетно-букетный период на данном этапе вызвали скорее оторопь. Совместные катания на Буцефале, устроенные подопечной, до сих пор стояли перед глазами как яркая иллюстрация с плаката «Не повторяйте их ошибок!», и, пожалуй, единственная взаимность, которой они к этому моменту добились, крылась в категорическом неприятии способов перемещения друг друга. Точно так же, как Пандора не горела желанием возобновлять подземные прогулки при помощи корней, Пень зарекся еще хоть раз сесть в салон оставленного ей отцом автомобиля.

За окном кухни мерно стучал дождь, на дверце шкафчика покоился переброшенный шейный платок, ждавший гостей как единственную причину вернуться обратно к хозяину, а старьевщик, насвистывая подхваченный от магнитолы Буцефала мотивчик, приступил к готовке завтрака для Пандоры. Пожалуй, кулинарное искусство оставалось нынче чуть ли не единственным способом проявить себя, и к делу княжич подходил со всей ответственностью планирующего генеральное сражение главнокомандующего: мало добиться идеальной пышности и румяности боков панкейков, сопутствующие мелочи тоже не должны подкачать. Свежайшие сливки, радужный ассортимент ягод и фруктов, часть из которых выращена скорее благодаря чарам лешего, чем почве или сезону, рисунок сахарной пудрой и капелька мягкой домашней карамели на краешке тарелки... Ежедневное выражение чувств, послание, которое так и останется незамеченным и чья судьба – быть быстро перемешанным вилок, покуда чадо спешит на встречу с друзьями. Пень не тешил себя иллюзиями, будто вкусной едой можно

проложить путь к чьему-то сердцу, но жил в надежде, что однажды его маленькая сударыня станет достаточно взрослой, дабы по достоинству оценить подобные старания.

Ну, в крайнем случае он хотя бы нашел, чем себя занять, – а при любом ожидании это не лишнее.

Дверь тихо заскрипела, вежливо предупреждая о посетителе, и на пороге кухни появилась довольно задумчивая бабуля в платочке и оренбургской шали до пят – госпожа Безвариантов, межевица, вызвавшаяся опекать Пандору и не особо жаловавшая самого хозяина избы. Конечно, морсящий дождик не самое приятное погодное условие с утра пораньше, но вряд ли старая каменюка удумала заскочить на огонек погреться. Мысленно вздохнув, Александр Витольдович заранее поставил крест на спокойном дне.

– Феникс все-таки передумала и жаждет реванша? – предположил он первый и, что греха таить, единственный пришедший в голову повод для визита.

– Типун тебе на язык, красноплеший. – После этих слов гостя изучила глазами пол, явно раздумывая, не сплунуть ли, но не решилась. – Теперича у нас птичка полета пониже, но тоже горластая. Оно-то, конечно, ожидаемо, но опять же не известить как-то нехорошо будет... – продолжила было она, но замолчала, приметив на столе вазочку с фруктами. – Не рановато для яблочек? И че это за вытянутые такие, новый сорт?

– Для моих – самое время, – как мог вежливо ответил Александр Витольдович. – А это бананы.

Недолго думая, межевица взяла один и откусила от него как есть, с кожурой, мельком продемонстрировав зубы, белизна которых не грезилась даже маркетологам «Блендамета» в самых смелых мечтах.

– Не томите, госпожа Безвариантов. Снова Крионикс? – напомнил о причине визита леший.

– Да о нем-то с чего предупреждать? – недоуменно прочавкала в ответ бабуля, откусывая снова. – Свой, считай. Покладистый, токмо чутка занудный, да то ж не грех... – Рука потянулась за еще одним бананом, и леший, смирившись, протянул межевице всю вазочку. Оценив полученное, гостя удовлетворенно хмыкнула и, намылившись восвояси, бросила через плечо: – В общем, башковитый ее ищет. Он нашей прошлой гостье не чета, к дому не пушу, до внушеньки не дотянется. Но что рядом вьется, тоже нехорошо, как бы чего не вышло. Сам знаешь, он чутка бешеный, когда дело Дорочки касается, так шо имей в виду.

Час от часу не легче. Чуть поклонившись, леший закрыл дверь за гостьей и попытался рассуждать логически. Ищет – и вправду не сюрприз, настойчивость вышеупомянутого сударя ему вполне известна. Быстро вычислил новое жилище – тоже понятно, гуси-лебеди славились умением совать клюв в чужие дела. Насколько Александр Витольдович мог судить по рассказам родителей Пандоры, сам факт существования навязчивого поклонника девочке в новинку не был, но предсказуемо влиял на эмоциональное состояние, порой повергая в уныние. Семье удавалось удерживать Лаэрта на относительно безопасном расстоянии, и ему, Пню, ставшему ныне опекуном Пандоры, тоже пришла пора поразмыслить, как это сделать, – причем, к сожалению, в рамках современных представлений о гуманизме, а не старого доброго «Голову долой – из огорода вон».

В этот момент избушка заботливо просигналила в сознании, что его подопечная проснулась и спускается, и Александр Витольдович недоуменно покосился на часы – не показалось, и вправду раньше обычного. Пришлось ускориться со всеми вытекающими: когда девочка вошла на кухню, на столе ее ждала манящая стопка панкейков, верх которой украшал бегемотик из сахарной пудры, по изначальному замыслу планировавшийся енотом.

Поздоровавшись и усевшись на свое место, Дора подозрительно вежливо поинтересовалась:

– А на вашем огороде арбузы, случайно, не растут?

«Полдесятого утра, куда ж ты без арбуза», – забурчало подсознание, но ответил леший вполне благопристойно:

– В целом, конечно, не совсем их историческая родина, но если желаете к завтраку...

– Не-не-не, – замахала вилкой девочка, щедро осыпая пудрой скатерть. – Мне не прямо сейчас. Через недельку примерно получится один раздобыть?

Перед глазами опекуна пронеслись все слышанные страшилки о школьных поделках, но сознание вовремя просигнало, что даже Альме Диановне подобное безумство посреди лета скорее не свойственно. Теперь взгляд княжича пал уже на календарь. Ага, а вот и разгадка.

– Полагаю, он понадобится вам ко дню рождения батюшки?

Пандора меланхолично откусила кусочек панкейка и кивнула. Ну да, логично – теперь, когда родной человек так близко, вряд ли легко делать вид, будто вы чужие. Задача очень непростая, и уж кто-кто, а Пень это понимал.

– В таком случае – конечно, подготовлю. Могу ли помочь еще чем-то?

– Не, арбуза хватит за глаза, – откуда-то из своих мыслей отозвалась девочка. – Папа ж меня не знает, считайте. Еще не факт, что даже пробовать рискнет, но попытаться стоит.

На кухне повисла тишина, изредка прерываемая бряцанием тарелок – это верный Денис решил продемонстрировать хозяину, будто взялся за ум, и наконец-то помыть скопившуюся посуду. Постояв подле Доры еще какое-то время, леший получил укоризненный взгляд и указание на ближайший табурет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.